

Юлия Вятчина

Последнее сочинение

Памяти С. Ю. Курганова

«Всё. Я ушёл», — коронная фраза Сергея Юрьевича, после которой он мог часами стоять ещё на пороге с открытой дверью и размышлять о чувствах Пушкина к Татьяне или феномене «маленьких и больших людей в искусстве».

Испытывая страдания при мысли об уходе близкого человека, мы подсознательно раскачиваем страх своей собственной смерти. И чем больше этот страх, тем острее и невыносимее наши страдания. И тем дальше мы отдаляемся от природы, для которой смерть так же естественна и важна, как любой другой жизнеобеспечивающий физиологический процесс.

Если уходит человек не близкий, мы умеем обогреться — быть безразличными, сострадающими, порядочными, упорядоченными и проективными. Если уходит близкий и родной, то мы моментально впадаем в детство, становимся маленькими и теряемся в безгранично пустынном мире. Или, наоборот, мы как будто на городском маскараде в толпе: у всех праздник, у всех маски, а мы стоим такие оторопевшие с открытым лицом, и земля уходит из-под ног — мы не понимаем, кто мы, где мы... и вообще — куда и зачем. В этот момент большинство детей не могут сдерживать рыдания. Дети обижаются, что их потеряли. Особенно чувствительные задумываются: «А может быть, я сам виноват в том, что меня потеряли?» — и, сдерживая слёзы, начинают искать тому доказательства.

Мы хаотично оглядываемся по сторонам в надежде увидеть в красочной и разномастной толпе знакомую руку, уцепиться за неё, чтобы успокоиться, вдохнуть полной грудью, надеть свою маску и включиться в процессию. Но, опустивши взгляд на землю, — мы видим под ногами пропасть, и постепенно приходит осознание, что нас уже никогда не найдут. Пространство расширяется между нами и другими людьми. Кто-то кричит: «Выключай свет, вставай! Ты уже взрослый!» Другой голос предлагает: «Прыгай быстрее к нам, мы дадим тебе маску!» Ещё один: «Ничего не предпринимай, жди, сейчас прилетит за тобой вертолёт!»

Ещё звучит самый решительный голос: «Потерпи, малыш! Я несу к тебе мостик!»

Встретившись с Кургановым в самом детстве, мы стали жить вместе, переживать возрастные кризисы, совершать научные и душевные открытия. Одним словом — развитие. Другим словом — судьба. Он щедро вложил в наш внутренний мир, наше сознание и мировоззрение. Мы частенько смотрели на мир его глазами. Это были весёлые, смелые глаза, иногда полные слёз. Лично для меня самым большим школьным открытием стало существование в мире многоликих Других (людей, героев, авторов, культур) и теория о том, как говорил Бахтин, что только в диалоге с этими Другими человек может приблизиться к пониманию себя. И то, что чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя ярче и глубже. Что процесс этого раскрытия бесконечный, потому что на смену одним культурам приходят Другие, что можно быть сопричастным к этому открытому единству культур. Что только в диалоге происходит событие. *Со-битие*.

Пока Сергей Юрьевич был жив, было живо чувство, что есть запасной вариант или выход, к которому можно было прибегнуть и — в случае чего — получить одобрительный родительский взгляд или правильную трактовку. Теперь есть только его тексты, книги, ученики, последователи, соавторы, авторы и герои. И есть в диалоге культур чистый, многоликий и Другой — Сергей Юрьевич Курганов.

Настало время выбирать — становиться взрослым или оставаться ребёнком навсегда. Или так: настало время выбирать — становиться взрослым или оставаться ребёнком навсегда? (вопросительный знак)

Вместо заключения

В Нарве Михаська поплыла на льдине, а Курганов ругался и волосы на себе рвал, пока бежал за нею вдоль берега. Потом, когда она с мокрыми ногами спрыгнула на землю и они пошли до гостиницы, С. Ю. и слова не произнёс ругательного, они просто обсуждали, как это хорошо — плыть на льдине.